

1. О широком и узком значении интерпретации. Интерпретация и текст в различных сферах человеческой деятельности.
2. Виды и типы интерпретации. Обыденная интерпретация (выросшая из обыденного опыта, из повседневности).
3. Предпосылки типологии научной и художественной интерпретаций. Когнитивные (творчески-познавательные) условия научной и художественной интерпретаций

Поиск предмета интерпретации (понимания) в герменевтике:

по Шлейермахеру – понимание и толкование текста и автора (человека, субъекта); по Дильтею – жизни и памяти; по Шпету – смысла; в феноменологии – сознания, в том числе личностного, далее языка и стиля мышления.

По Хайдеггеру – понимание жизни, бытия, само бытие как понимание, предусматривающее первичность понимания, включая самопонимание и самопознание..., то есть понимание понимания По Рикеру и Бетти – способы, технология объяснения, методы истолкования, *логика* интерпретации, то есть понимание интерпретации как техники понимания.

По Гадамеру – герменевтический круг, герменевтический опыт, то есть все, что было ранее, но в новой систематической связи; понимание угаенного, истины; понимание диалога Я – Ты, понимание слова и молчания, понимание Прекрасного (= Истине).

Интерпретация как адаптивный механизм исходит из бессознательного, обусловлена общим механизмом формирования человеческого сознания. В бытийном своем назначении – или «экзистенциональная» – интерпретация является не-осознаваемой, не-намеренной, не специальной. Такая интерпретация существует (формируется) до текста, может не становиться текстом – **не обозначаться текстологическим путем.**

Подобная (предтекстовая, внетекстовая) интерпретация растворена в понимании, не выделена из него, не обнаружена, то есть остается в

имплицитном состоянии (не может быть выделена или не нуждается в выделении, «дремлет» в понимании). Понимание ориентировано на **со-творчество** – со-присутствие бытию. Интерпретация в ее выделенном **эксплицитном** виде предполагает **творчество**, являет **творческую** человеческого сознания.

Понимание и интерпретация соотносятся как присутствие – участие-действие; восприятие – воздействие.

Текст – внешняя **эксплицитная** сторона интерпретации.

Интерпретация до текста – может быть сознательной, но не имеет целью построения текста, не быть **текстопорождающей**. В таком своем качестве интерпретация напрямую связана с пониманием – своим и чужим, адресована именно ему, без внешних посредников. Кроме того, интерпретация может быть скрытой и объясненной, то есть специально завуалированной, зашифрованной и подчеркнутой, предъявленной. Достаточно вспомнить живописные работы Брейгеля и Греза как антиподы способа интерпретации.

Интерпретация может быть скрытой невольно, поскольку она не является центральной задачей, но служит сопутствующим результатом, контекстуальным явлением.

Творческая – отличительное свойство, атрибут интерпретации. Но интерпретация **после** текста ограничивает смыслообразующие возможности творческого процесса, она избирательна. Весь смысловой объем творческого процесса не предъявлен в результате интерпретации. Поэтому **интерпретация текста (после текста)** призвана восстанавливать данный объем – интенциональные возможности творческого процесса.

Ограниченность и свобода становятся **антиномичной основой интерпретации** – и это соотносится с текстовой определенностью, фиксированностью интерпретации.

Внутренняя и внешняя стороны интерпретации равны самовыражению и самоутверждению, самореализации человека в творчестве, то есть равны двум подобным сторонам творческого процесса.

Понимания – предтеча, материал и основа интерпретации, его психологической характеристикой является **удовлетворение, покой**, чувство целостности (полноты), единства.

Чувственным показателем интерпретации как результирующего творческого процесса является **радость** – и подъем в радости сознания, позитивное возвышение сознания.

Интерпретация *после* текста вступает в зону новой зависимости – от характера и назначения текста, что и определяет ее собственное значение и форму. Возможна **сознательная минимизация** интерпретации (фактическое «отсутствие» интерпретации как творческого пересоздания текста) – в случаях обращения: к религиозным первоисточникам; директивным законодательным юридическим документам; техническим инструкциям; уртекстам – к первичному авторскому варианту текста, очищенному от более поздних редактирований.

Интерпретация – диалогический процесс, соблюдающий всю типологию диалога как вопросо-ответных, ответно-вопросных отношений, согласия и разногласия, вплоть до «глухоты» и «немоты».

Интерпретация как монолог – предшествует тексту, служит образованию устного текста; интерпретация как **диамонолог** – существует после текста, завершает его и подтверждает важность письменной закреплённости текста (письменной формы текста).

Коммуникация (общение) – интерпретация – мышление (поэтика): взаимосвязанные явления, определяющие взаимодействие текста и интерпретации.

Интерпретация основана на мышлении, то есть на выделении функции мышления в общей деятельности сознания. Мышление

интерпретативно по своей природе. Оно становится необходимым внутренним условием интерпретации.

Интерпретация текста – это восприятие-воздействие со стороны поэтики – системных черт мышления, со стороны способов выражения (в той или иной знаковой форме) **творческой** человеческой мысли. Данное направление интерпретации ведет к ее **конкретизации и сужению**, к ее спецификации, в зависимости от специфики текста, знакового выражения и оформления. Оно предполагает разделение видов и форм интерпретации в зависимости от **профессии, сфер деятельности, инструментов деятельности, социальной ангажированности, жанровых и композиционных структур.**

Интерпретация до текста – это включенность в коммуникативный процесс, участие в определенных сферах и формах жизненных действий (жизнедеятельности). В этом направлении представление об интерпретации **расширяется** и приобретает универсальные черты. В то же время, в таком своем качестве интерпретация солидарна (конгруэнтна) личности, способности человека общаться, реализовываться в общении и развивать способность понимания. Здесь интерпретация равна приобретению жизненного опыта, может быть классифицирована с **возрастной стороны, с национально-этнической (ментальной) стороны, с психологической стороны – со стороны типологии личностного сознания.**

В музыкально-исполнительской интерпретации сходятся обе ее разновидности; она – и то, и другое, и до текста, и после него.

Предпосылки интерпретации: историческое время – знаковые атрибуты культуры; образ человека (как зеркало коллективного человеческого сознания), уровень эстетического сознания – ведущие эстетические категории, антиномии, универсалии; ведущие формы искусства и художественные идеи; герои культуры, степень человеческого авторства в культуре.

Условия: процесс коммуникации, направленность (интенциональность) и особенности мышления, до-текстовый (до-словный) и после-текстовый (у-словный) характер; природа и особенности текста.

Цель: самовыражение и самореализация, **переживание творческой радости**, творческое развитие.

Задачи: преодоление центральной эстетической экзистенциальной **антиномии**, расширение и обновление опыта; нахождение ключей (кодов) к дешифровке символических форм, архетипов культуры, коллективного сознания; активизация творческих сил сознания; совершенствование мысли – и ее связи с чувстоформами...; укрепление виртуальной реальности.

Роль понимания: накопление материала, наращивание объема **жизненного миропорядка** – «нужен весь человек: помнящий, любящий и понимающий»; вместилище символического опыта.

Если, идя за филологами, усматривать в герменевтике теорию, практику и искусство интерпретации [4], то становится возможным, и достаточно справедливым, в самой интерпретации выделять теоретическую, практическую и художественную стороны, то есть различать формы интерпретации, которая, в свою очередь, предусматривают отличия ее материала (предметного содержания) и процессуальных условий. Таким образом, первое, с чем мы сталкиваемся, стараясь уяснить отношения теории интерпретации и герменевтики, это неоднородность, сложность феномена интерпретации, его системный характер, а также стремление к универсализации.

Является ли правильным проводить знак уравнения между герменевтикой и теорией интерпретации, то есть – равняется ли теория интерпретации *всей герменевтике*? Однозначного ответа на этот вопрос, наверное, не существует. С одной стороны, герменевтика, от античности до В. Дильтея, то есть достигая XX столетия, занимается *процессами понимания*

довольно широких вещей – культурных традиций, например, к тому же в их связи с миром природы. С другой – от Ф. Шлейермахера, то есть с начала XIX столетия, ее специализация связана с *толкованием текстов*, как письменных «первосвидетельств» человеческого бытия, как следов авторского присутствия человека во времени культуры.

Как видим, одна тенденция накладывается на другую, совмещается с ней, что подтверждается построением системы философской герменевтики Х.-Г. Гадамера (монументальность которой, кроме прочего, обусловлена долгосрочность его жизненного и научного опыта – 102 года жизни!), ведет к определенному слиянию герменевтического и феноменологического подходов во второй половине XX столетия и к приравниванию герменевтической концепции к концепции человека в философском творчестве П. Рикера. Но, как это не парадоксально, именно философско-культурологическое расширение горизонтов герменевтики ведет к универсализации ее главного предмета – интерпретации, теория которой рассматривается сегодня уже как фундаментальная «теория жизни», выходит за предметно-текстологические границы герменевтики.

Не претендуя на окончательное разъяснение сложных отношений между теориями герменевтики и интерпретации, определимся в трех главных положениях. Первое: в герменевтике сегодня следует находить методологическую дисциплину, которая разрабатывает подходы к изучению взаимозависимости *процесса* понимания и *процессов* интерпретации, в *целостности* первого и в *многообразии* второй, интегрируя и направляя в определенную предметную сферу философско-эстетические, историко-культурологические и психологические суждения и оценки. Второе: интерпретация как *способ бытия (образ действия и мышления) личности* является проявлением *творческой природы, творческой способности (творческойности) человека*, потому что, как отмечал Платон, все, что вызывает переход от небытия к бытию, есть творчество. Третье: музыкальная

интерпретация в ее общем определении является способом творчества или способом творческого присутствия личности в «мире музыки» (в музыкальном бытии культуры).

Отсюда, собственно, и должна начинаться разговор о материале, форме, методе, условиях, задачах и *призвании* музыкальной интерпретации, уже с уточнением своеобразности перечисленных факторов интерпретации относительно музыкально-творческого процесса. Впрочем, осталась еще одна предварительная обязанность: рассмотреть зависимость всех форм музыкальной интерпретации (то есть интерпретации музыки и в музыке) от процесса жизни в него непосредственных связях с повседневностью и личностными интересами; ведь музыкант, музыковед – тоже человек, который имеет собственные жизненные личностные смыслы, может претендовать на авторство не только в профессиональной деятельности, а, перед всем, в жизни.

Обыденная интерпретация (так условно назовем общежизненный личностный интерпретативный опыт) является основой и отправной формой всех других усилий понимания, помогает определять интерпретацию как осуществленное и выраженное понимание, способы единичной знаковой фиксации, опредмечивания понимания. Сознание человека является единым, поэтому различие в видах и формах интерпретации предопределяется *материалом осознания* (сознавания), средствами его выражения, а также тем, что Х.-Г. Гадамер называл «предрассудками» – «предпониманием»: личностной психосемантикой сознания, которое определяет выбор «языка сознания» как языка интерпретации.

Обыденная интерпретация предоставляет ведущие критерии другим видам – научной и художественной интерпретациям, открывает их двойственность, определенную антиномичность и динамичность, указывает на способность процесса интерпретации к самоинтересованности, «эстетической бескорыстности». Главным критерием здесь становится

успешность – неуспешность (полнота – неполнота), преодоление когнитивного диссонанса, семантической неопределенности – или их наращивание. Центральным назначением обыденной интерпретации становится достижение жизненного равновесия; она опосредствует жизненную целесообразность, нуждается во внешних достижениях, направлена на цель, руководствуется преимущественно признаками комфорта – дискомфорта, удачи – неудачи (как признаками успешности – неспешности), потому что отвечает за разумное приспособление (в широком смысле) к окружающей среде, остается невыделенной (не-специальной) из общего жизненного контекста, возможно, хаотичной и неупорядоченной.

Научная и художественная интерпретации подчеркивают свои процессуальные стороны, предполагают не столько достижения, сколько *постижения* развития способностей человеческого сознания. Признаками осуществления для научной интерпретации становятся истинность – не-истинность (ложность), доказанность – не-аргументированность; для художественной – представленность, ясность («понятность»), знаковая определенность, конкретность – утаённость, символическая зашифрованность.

Опираясь на названные предпосылки типологии видов интерпретации можно определить ведущие черты научной и художественной интерпретации следующим чином.

Для научной интерпретации это:

1. вербализация; понятийно-терминологическая фиксированность, стремление к однозначности и письменной закреплённости;
2. относительность, сравнительный характер и спекулятивность – использование «чужого» знания;
3. объективность и формализованность, структурное постоянство, рационально-логическая методичность;

4. специализация (отделенность и «закрытость») познания сужение как объекта, так и цели, результатов интерпретации с целью усиления доказательств истинности;
5. аналитичность (в том числе, обращенная на саму себя), дискретность и процедурность, движение от части к целому, даже если интересуется именно целое;
6. *связь с реальными процессами жизни, но – переносность, моделирование и наделение модели свойствами самой интерпретации, вторичная семантизация реальности, постижение границы интерпретации со стороны реального предметного мира;*
7. преобладающая экстенсивность и дифференцированный подход к предмету, растождествление с ним, отчуждение и стремление к внеоценочным суждениям.

Для художественной интерпретации ведущими чертами становятся:

1. вне-, над-словесность (анагогичность, если речь идет о литературных формах), образно-понятийный характер, стремление к многозначности – к множественности смысловых значений, к устной памяти культуры;
2. абсолютность, финальность и неподражаемость внутри себя;
3. содержательная избыточность, необратимость и трансцендентная направленность в поисках «что-то, кое-что сверх того» (Л. Выготский), этико-эстетичная методичность;
4. универсализация (открытость) познания, тенденция расширения предметной сферы с целью повышения убедительности;
5. симультанность, холистичность (движение от целого и от позиции целого к части), спонтанность;

6. *связь с условными процессами – с условной реальностью искусства, моделирование смыслов как объектов, исходя из свойств формы интерпретации, постижение границы интерпретации со стороны условного предметного мира и личностного сознания;*
7. преобладающая интенсивность и синтезированный подход к предмету, отождествление с ним, присвоение и преимущество образных оценок (в том числе, личностных образных оценок).

Как видим, самую большую приближенность, вместе с тем, принципиальное отличие выявляет шестая типологическая черта научной и художественной интерпретаций – именно как способов творческого овладения бытием на границе его реального и условного предметного содержания, как *результат понимания условности самой этой границы*, то есть понимание сосуществования реального и условного, их взаимного перетекания в жизненном мире человеческой культуры.